

Александр Миронов

*Русская
недвижимость*

Сборник рассказов — 2

Александр Миронов

**Русская недвижимость.
Сборник рассказов – 2**

«Издательские решения»

Миронов А. Л.

Русская недвижимость. Сборник рассказов – 2 / А. Л. Миронов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858959-1

Конверт был в половину листа писчей бумаги. На нём красивым печатным шрифтом были напечатаны её адрес под целлофановым окошечком и логотип с обратным адресом: ООО «Покупки на дом», 111974, Москва, а\я 4.

А на почтовом штемпеле: «Почта России. Тверь 170000». «Звери из Твери!».

ISBN 978-5-44-858959-1

© Миронов А. Л.
© Издательские решения

Содержание

Покупки на дом	6
Повезло	11
Кряж	15
В тумане	19
Русская недвижимость	25
Месть Ретрограда	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

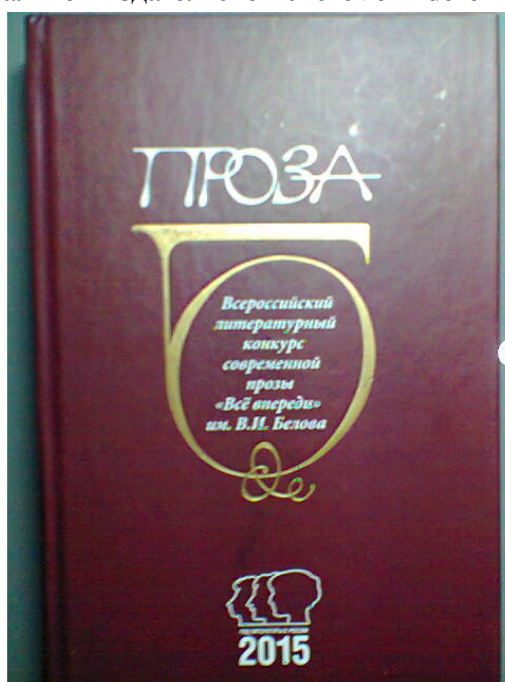
Русская недвижимость Сборник рассказов – 2

Александр Леонидович Миронов

© Александр Леонидович Миронов, 2017

ISBN 978-5-4485-8959-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Покупки на дом

Ефросинье Степановне в октябре привалила неожиданная радость. Как будто упала с потолка манна небесная. Выигрыш аж на пятьсот тысяч рублей!

– О, Господи! Неужто снизошла-таки и до меня твоя благодать?..

Вначале Ефросинья Степановна не могла ничего понять: как? откуда? от кого?.. Стала осматривать конверт. И нашла ответ на вопросы.

Конверт был в половину листа писчей бумаги. На нём красивым печатным шрифтом были напечатаны её адрес под целлофановым окошечком и логотип с обратным адресом: ООО «Покупки на дом», 111974, Москва, аля 4. А на почтовом штемпеле: «Почта России. Тверь 170000».

Но самым впечатляющим была надпись крупным шрифтом – **«Суперприз — 500 000 рублей!»** И под ней рамка телеэкрана, где располагалось другое сообщение: «Торжественное награждение ПОБЕДИТЕЛЯ состоится 24 ноября 2006 года на телеканале ТВЦ в 18 часов 30 минут».

Ефросинья Степановна перевернула пакет и на обороте обнаружила новую запись. Вернее, две. Первая, верхняя, требовала – «Ответьте уже сегодня!» И вторая, ниже, в красной рамочке – «ВНИМАНИЕ! НАШ ПОБЕДИТЕЛЬ АКЦИИ ДОЛЖЕН ОТВЕТИТЬ С ОСОБОЙ СРОЧНОСТЬЮ».

Ах ты, господи! Она победитель!..

Ефросинья Степановна, распечатав конверт, всё с возрастающим волнением начала разбирать красивые, разукрашенные в разные цвета и шрифты листочки и каталог товаров.

– Ах! – восхитилась женщина. – Какая красота. Умеют же, паразитики!

И что сразу заставило сердце затрепетать – это (на чёрном фоне белыми буквами): «ПОСЛЕДНИЕ ПОИСКИ ПОБЕДИТЕЛЯ ПО ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ». Тут же мини-атюрная карта России и стрелка, указывающая на её область, и даже район. А также Персональный номер победителя из восьми цифр.

*«ВНИМАНИЕ! МЫ НЕ МОЖЕМ БОЛЬШЕ ЖДАТЬ! Ефросинья Степановна, ответьте прямо сегодня. Если Ваш номер ***** будет отправлен после 31 октября 2006 года, у Вас не останется ни малейшей надежды стать победителем акции «ГОДОВАЯ ПРЕМИЯ!»*

И красным шрифтом:

«Победитель разыскивается с 20 сентября 2006 года!»

Черным шрифтом: *С 20 сентября смотрите программу «Времечко» на канале ТВЦ. В каждой программе будет названо кодовое слово, которое Вы должны будете указать в случае выигрыша дополнительной премии.*

Смотрите анонсы об акции «ГОДОВАЯ ПРЕМИЯ».

Ефросинья Степановна, о Вас узнает вся страна! Необходимо Ваше согласие!»

И мелкие красные буковки в верхнем левом углу:

«Если вы обладаете выигрышным номером и отправите его вовремя, в финале акции мы сможем сообщить вам...»

Но взволнованному сердцу было не до мелочей. В глазах Ефросиньи Степановны стояли крупные шрифты, и по двум причинам. Первая – из-за слабого зрения. Вторая – из-за охватившего её ажиотажа, где всякие мелочи теряют значение, отходят на второй план.

«Г-жа Фигунова является Победителем акции «ГОДОВАЯ ПРЕМИЯ 2007 – 500 000 рублей. С выплатами ежемесячно по 41 670 рублей непрерывно в течение всего 2007 года!»

Сбоку – двенадцать талонов на получение этой ежемесячной суммы.

Информация в конверте нагнетала в Ефросиньи Степановне жар, от которого голова уже шла кругом. А по мозгам продолжало бабахать:

«Это именно Вы, г-жа Фигунова из региона...

Это именно Вы, г-жа Фигунова проживающая по адресу...

Это именно Вы, г-жа Фигунова, обладаете номером (*****)...

Таким образом, это именно Вы являетесь тем самым победителем акции «ГОДОВАЯ ПРЕМИЯ», которого мы разыскиваем с 8 часов 30 минут 20 сентября 2006 года.

Мы ищем его («победителя», – как поняла номинантка) повсюду, даже по телевидению и через газеты. Мы ищем его и в вашей области».

– О, Господи! Радетели вы мои, да я ж тут, я вот она!.. – запричитала от радости Ефросинья Степановна, промокая пробившиеся из глаз слезинки.

Перевернула лист. На обратной стороне Б. Альбан представлял деятельность организации, многочисленные маркетинговые акции и выбор победителей.

«Способ такой, – вещал он, – ...мы выбрали для того, чтобы о нас узнали».

Нéкто О. Франсуа поясняет, что компания «НА ДОМ» – лидер дистанционной торговли в России.

А нéкто К. Дессанж докладывает об уже вручённых: «8 425 000 рублей. И что с 2004 года было выбрано 26 Победителей».

Такое представительство из лиц иностранцев (и почему-то думалось – именно французов) Ефросинью Степановну вдохновляло – это не наши прощельги.

«Дорогая Ефросинья Степановна! Целый год непрерывного счастья!

Не медлите! Ответьте скорее на это письмо! Если Ваш номер ***** будет объявлен 10 ноября 2006 года на телеканале ТВЦ, а вы не отправили его для подтверждения Ваших прав, эта премия будет навсегда потеряна для Вас. («Да что вы, что вы!..») Не рискуйте! Отправьте сегодня! И если это именно Вы являетесь победителем акции «Годовая премия», – («Как не я? Вы ж меня объявили! По всей России меня отыскивали!») – то Вас также ждёт 10 000 рублей с 10 ноября 2006 года.»

– Ай-я-яй! – восклицала счастливая номинанта, промокая глаза и нос лоскутком тряпицы. И читала дальше.

«Вы только представьте себе... 41 670 рублей каждый месяц!..»

«Посчитайте: 500 000 рублей – это большая сумма денег, с которой Вы сможете реализовать Ваши самые заветные мечты».

И контуженной тяжёлым снарядам весом в пятьсот тысяч «г-же Фигуновой» уже было не до осознания реальности. Она, закатив глаза от распирающего её предчувствия сказочного богатства, блаженно покачивалась на старом диванчике. Перед глазами плыли картинки, которые уносили женщину едва ли не в заоблачные дали...

Она объявлена Победителем! Вот, чёрным по-белому, и белым по-чёрному. Её специально разыскивали по всей России-матушке...

«В благодарность за Ваш заказ на сумму 800 рублей, Вас ждёт великолепный подарок для дома марки SONY. Не проходите мимо удачи всей Вашей жизни!

Желаю Вам долгих лет счастливой жизни вместе с компанией «НА ДОМ».

Бруно Альбан

Дирекция по проведению

Маркетинговых акций».

Перед «Дирекцией» стояла красивая красная печать с профилем какого-то вождя или древнего мудреца, увенчанного как будто бы лавровым венком.

И приписка:

«P.S. Ваш подарок уже зарезервирован. Проверьте, что у Вас есть три наклейки „7“. Не забудьте наклеить их на Ваш Бланк Заказа».

Ефросинья Степановна проверила – есть три наклейки!

– Вот, паразитики, что делают! – восхищалась она. – Все до точности просчитано! И подарок предусмотрели. Не то, что в этом, Еврошопе, пошёл бы он в эту же шопу...

Лет семь назад Еврошоп уже катал её на красном автомобиле. Месяца два голова кружилась от такого ралли, и желудок был голодным воем. Зареклась с тех пор участвовать в таких играх. И вот новое письмо, и какое радостное. Оно напрочь отредило Ефросинью Степановну от прежнего зорка.

Замечено, что чем беднее человек, тем легче его обмануть. Тем более – такой витиеватой писаниной.

Теперь осталось правильно заполнить Бланк Заказа.

Ефросинья Степановна сильно волновалась, от волнения учащённо билось сердце, и побоялась, что дрожащими руками она больше намажет, чем напишет. А не хотелось уважаемых, и её так уваживших, людей обескураживать своей мазней. Да и с деньгами для заказа надо что-то делать, искать где-то.

И хоть поторапливали Альбан, Дессанж, Франсуа и вся их компания, она всё же решила повременить. Как любит Валька, дочь, говорить – минут ...надцать. Решила для успокоения нервной системы просмотреть Каталог.

С обложки Каталога на Ефросинью Степановну смотрела премилая мордашка девушки. Она улыбалась открытой улыбкой, белели янтарные зубки. Распахнутые глазки призывно и тепло смотрели на читательницу, обволакивая воспалённое сознание. На её плечике лежало свёрнутое махровое полотенце. И перед ней на столе стояла не то стеклянная, не то прозрачная пластмассовая мисочка с зелёным салатом. А на разделочной доске, какие-то белые овощи, или грибы шампиньоны. Чтобы установить, что за продукты перед девушкой, Ефросинья Степановна несколько раз примеривала очки.

«КАТАЛОГ БЕСТСЕЛЛЕРОВ 2006»

«Скидки до – 50%» «Всё, что надо прямо на дом». Ты смотри-ка!..

Ефросинью Степановну все интересовало в этой книжице, и она стала её перелистывать. На первом развороте была представлена малая кухонная техника.

«Пароварка: 1299р.»... Пароварка понравилась. Такую занять у себя на кухне, неплохо бы... Но, глянув на цену, остыла.

«Прибор для измельчения салата – 345р.» – не заинтересовал. Хотя, конечно, для её рук помощник такой не помешал бы. И цена подходящая. Ладно, иметь в виду будем...

Набор из двух кастрюль для приготовления спагетти. И тёрка в подарок... Да ладно уж, обойдёмся и макаронами...

Вторая страничка тоже посвящалась кухне. И тоже было немало завлекательных вещей. Тот же чайник со свистком.

Перелистывая странички, Ефросинья Степановна наткнулась на очки-тренажёры. Точно такие, в каких приезжала Валентина в последний раз.

«Очки-тренажёры – это особые безлинзовые очки, предназначенные как для тренировки глазных мышц, так и для расслабления и отдыха глаз. *Россия*».

Валька тогда жаловалась, что глаза её стали подводить. Мужика, дескать, редко стала видеть.

– Приобрела для тренажу за двести семьдесят рэ в оптике! – посмеивалась она. – Хочешь, тебе оставлю. Может тоже, какого-нибудь домашнего тут приглядишь?

– А! – отмахнулась мать на её зубоскальство, и отказалась, хотя не прочь была бы и «потренажировать» свои глаза, совсем зрение стало садиться. Мелкие буковки, те же условия конкурса, что на задней страничке конверта, куда их заботливо спрятала фирма, вообще не различаются даже в очках в шесть с половиной диоптрий. Оптика не берет...

И вот теперь она видела такие очки, как у дочери, и в ней загорелось желание приобрести их. Глянула: «цена 415 р.», и удивилась – ни себе чего! Это ещё со скидкой. А стояли – пятьсот

пятьдесят пять рублей. Ай-я-яй... А если учесть объявленные 50% скидки на все товары, что в этом каталоге, то сколько же они на самом деле у них стоят?..

Но тут же поспешила успокоить себя – все окупится. Как только выплатят ей деньги Суперприза – окупится. Сейчас задача – набрать товара на восемьсот рублей, а потом занять денег. (Своих двести оставалось, до пенсии на две недели растягивала). Ну, это потом...

Итак, чёрт с ней с ценой, берём очки! Ещё надо на триста восемьдесят пять рублей чего-то...

Ага, вот, защитная пирамидка. «ваша защита против болезней.» «*Пирамидка с шунгитом* отражает вредные лучи, способные вызывать сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, по цене 225 р., вместо 295 р.» – последние цифры перечёркнуты крест-накрест. Берём! Сейчас такая экология...

«Вы также можете ежедневно прикладывать на 15 минут основание пирамидки к больному участку тела до полного излечения. *Болгария*».

Итак. Четыреста пятнадцать плюс двести двадцать пять рэ, будет?.. После недолгой арифметики получилось шестьсот сорок. То есть, ещё товара надо на... сто шестьдесят рублей. Таак... ищем.

В Ефросинье Степановне волнение никак не унималось и перешло в мелкую дрожь. Руки держали атласные, глянцевые странички проспекта, и странички эти подрагивали. Буквы прыгали, рябили, глаза слезились. Приподнимая очки, она то и дело вытирала слезы, то ладонями, то тряпочкой, заменяющей ей платочек.

«*Как получить наследство*», – прочитала Ефросинья Степановна. Предлагалась книжка кандидата-адвоката.

– Ничего, как-нибудь сами разберёмся, не подерёмся. Вы только не забудьте Суперприз прислать, а там и адвокат нам не понадобится...

«*Консервирование для лентяек*». Ха! – с роду таковыми не бывали...

Во! Книга «*Домовой*»! «*Домовой — хранитель домашнего очага*». Какая прелесть! Хоть какой-нибудь заваливший приبلудился бы. Какой год одна, даже словом обмолвиться не с кем, посоветоваться...

«Домовой» не дотягивал до ста шестидесяти рублей. И Ефросинья Степановна возмутилась:

– Вот, паразитики, – как назло! Специально что ли так задумали, помучить победителя чтоб?..

С трудом, но товар подбила на восемьсот рублей, и все-таки с небольшой переплатой, которая томила. Но Ефросинья Степановна заглушала эту досаду верой в скорую компенсацию.

Во второй половине дня обошла соседей. Кто дал пятьдесят рублей, а кто и десять рублей отрывал от себя, как от сердца.

– Через полмесяца отдам. Вот пенсия приходит, и я тут же вертаю вам долг. А то и раньше, – с загадочностью обещала она. – Выручайте.

А сама про себя думала: «Как только пришлют Суперприз – да я вас всех озолочу!.. Ведь недаром же Фигунову Фросю так долго разыскивали по всей России. Как иголку в стогу сена. Молодчаги все-таки эти французики!..» И она верила в то, что она уже обладатель такой кучищи денег.

К сумме из восемьсот рублей она с большим трудом нашла ещё сто двадцать девять рублей – эту сумму фирма взимала за расходы на обработку заказа.

К концу дня Ефросинья Степановна появилась в Сбербанке. Заняла очередь к окошечку и на присутствующих смотрела с затаённой радостью.

Очередь подошла. И, о-о, вот наказание! За перевод ещё платить! А у неё всего двадцать рублей, последние... Оплатила перевод.

Шла домой в некотором смятении, но настроенная не на долгое ожидание. Ведь Суперприз будет выплачен в ближайшее время, как только получат её Заказ.

И Победитель ждала 24 ноября... на квашеной капусте и картошке. Ждала и позже, и не один месяц. Вдруг забыли?.. Вдруг вспомнят?..

Товар Ефросинье Степановне был выслан, как и обещано, своевременно, но без «великолепного подарка для дома марки SONY», и без приглашения на торжественную презентацию Суперприза. Следовательно, и долги Победительнице пришлось выплачивать из собственной пенсии.

– Па-ра-зи-ты!.. Вот купили, так купили! – со слезами на глазах восклицала она, однако же, надеясь на чудо. А вдруг всё же...

И оно (чудо) не заставило себя долго ждать. Пришло новое приглашение к заманчивой Акции Суперприза, но уже в 400 000 рублей! И уже от компании ООО «Русбьюти». 111974, Москва, а/я 17 «Формула стройности». И на почтовом штемпеле опять «Почта России. Тверь 170000». На что Ефросинья Степановна желчно усмехнулась:

– Опять, звери из Твэри!

На конверте – Эйфелева Башня, у основания которой в рамочке заманчивые слова *Paris, France*, и поздравление с Новым годом.

Ефросинья Степановна на первой странице письма прочла крупные буквы:

«**Ефросинья Степановна**, наш коллектив подтверждает, что Вы стали Победителем Новогодней акции «Похудей и выиграй Главный приз».

Эрик Аллен.

Дирекция по проведению
Маркетинговых акций».

И опять француз!

Дальше Ефросинья Степановна читать не смогла. Перехватило дыхание.

– Опоздали, я уже похудела, – с подстоном проговорила она. – Молодцы французики, многие, видать, о вас узнали, и я в том числе. Чтоб вас всех перевернул-вывернуло за мои денежки! Ничего не скажешь, какой вы интересный способ выбрали для продвижения своего товара на дом, па-ра-зи-ти-ки. Да кого – паразиты!

Когда-то в школе на уроке литературы они (учащиеся) заучивали стихи русских классиков. И в голове, сквозь туман прожитых лет, запульсировали стихи М. Ю. Лермонтова из стихотворения «На смерть поэта». Целиком она его уже не помнила, но пару строчек, относительно француза погубившего Пушкина, всплыли в памяти. Дантес был: «... заброшен к нам (в Россию) по воле рока. Смеясь, он дерзко призывал чужой язык, чужие нравы. Не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал...»

Эти строки словно бы отвечали той социальной направленностью и сегодняшнему дню. «Его убили, теперь и до меня добрались. И надо ж, где отыскиали? В дремучем углу...» – с грустной иронией констатировала женщина, как бы проводя параллели между Пушкиным и своей несчастливой судьбой. Вот они – **ВЕЛИЧАЙШИЕ ЗАГАДКИ АМОРАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ**. Попробуй, разгадай их усреднённым умом? Ефросинья Степановна даже не заметила, как оговорила, вспомнив название рубрики предлагаемых в каталоге книг – ...**АНОМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ**.

– На однуруких бандитов нашли управу, когда ж до этих-то дойдёт очередь?..

Ефросинья Степановна, лёжа на диванчике, просматривала конверт с заманчивыми цифрами. Каталог на парфюмерию, на сезонные предложения, и со слезами на пушистые белые тапочки...

Очки-тренажеры от прежнего заказа лежали рядом на табурете, а *Пирамидку с шунгитом* она прикладывала к больному месту, к голове.

2007г.

Повезло

Ей повезло. А девчат уволили. Даже тех, кого, казалось бы, увольнять нельзя. У всех у них были положенные по Закону льготы. Даже перед ней, Светланой, они выгодно выглядели. То есть у них у всех имелись уважительные причины, по которым следовало бы их оставить на заводе. У той же у Серафимовны – двое детей, мать-одиночка; у Сони – тоже две девочки и муж полгода как умер, вернее, был убит где-то под Нижним Новгородом, дальнотойщиком был; у Вали – сын инвалид, семь лет; да и другие под КЗОТом ходили, как под бронированным колпаком, – уволили. А ей повезло, оставили.

А вначале, так переживала, так напугалась... Шутка ли, остаться одной с двумя детьми. С Колькой, как под «крутого» закосил, жизни не стало, искрутился весь – год как развелись. Старший, Рома, в МГИМО учится, на второй курс перешёл. Сколько на него вбухали: за поступление, за обучение, за проживание. И что не семестр – десять-двадцать тысяч выложи. Не учёба – грабёж. Спасибо Кольке, хоть и козёл, но не бросил мальчишку, и, говорит, поможет выучиться. А ведь мог бы после развода послать по матушке, и учи, как знаешь. Сын-то не его, её, без него нажитый. Да и Серёжка, их совместный, в пятом классе. Тоже растёт, как на дрожжах, не напасёшься. Тут поневоле затоскуешь.

Предупреждать о сокращении, с приказом в папочке, пришёл в цех начальник отдела кадров Лубок. Мужчина лет пятидесяти, а то и с хвостиком, немного ссутуленный. Глаза простоквашные, щёки круглые, с провисом. Головка клинышком, с высокими затылками спереди. Серафимовна окрестила его, скажи кому – себя в краску введёшь. Но прозвище точное, тут же пристало и накрепко, лучше родного имечка, хрен плешиный.

Начальник цеха собрал всех в актовом зале. И Лубок затянул речь, дипломатическую, витиеватую.

О том, что на заводе грядёт сокращение, слух прошёл раньше – уже недели за две всех предупредил. Ну и те, у кого нервы слабые, и у кого все шансы оказаться за воротами, уже суетились, метали икру. Все близлежащие и вдали стоящие предприятия обежали, работу искали. А они, матери-одиночки, многодетные, у кого инвалид в семье – энергию свою в труд вкладывали, на благо и процветания родного акционерного общества. Та же Серафимовна ходила нос кверху. Самой-то бабёнке чуть за тридцать, но все её величали по отчеству, даже старше её, из-за редкого имени папочки. В наш век такое имя – тоже ископаемое, и потому на устах оно звучит реликвией, и не изнашивается. Её, наверное, ещё в девках так звали. Мужики порой подзуживают: «Серафима, Серафима, как ты нам необходима...» – вкладывая в шутку фривольный подтекст. Хотя особой распущенности за ней не наблюдалось, однако, замужем не была, а двоих нажила. Говорит, ветром надуло! Мать-одиночка, а это уже гарантия!

Лубок долго говорил о том, что как сейчас туго живётся предприятию. Завод, говорит, как на кочковатой дороге, то в одной колдобине засядет, то в другой. Из-за этого приходится снижать объёмы производства, выпуск продукции, оттого и зарплату нечем выплачивать.

Оказывается, завод сильно зависит от внешних экономических связей. Стоит где-нибудь хоть одной связи, как пуповине, перетереться, и производство встало. Но объяснять: почему же эти жилочки перетираются? – он не стал, или же сам не знал. Да по нему – они хоть все разом полопайся.

Слушали, слушали, Серафимовна возьми, да и ляпни, сидевшим рядом с ней, Соне и Вале. Вроде бы тихо, а услышали.

– Ну, член парламента, всю душу вытянул своей политграмотой. И за что его бабы любят? – а она-то знает, что говорит.

Все засмеялись. Но сдержанно, в кулачок.

Однако член парламента услышал. Усмехнулся.

– Видать есть за что. И некоторые даже очень довольные, – ответил он с нескрываемой, но мягкой злобой. – Скоро и ты полюбишь.

Показалось, что эта злоба тучей опустилась на головы и ядовитой кислотой окатила души. На Серафимовну закосились, зашипели. Прикуси язык, мол, шутница. Сиди, прижми уж... И все притихли.

Лубок тут же от дипломатии перешёл к делу. Стал со списком знакомить. Исправлять чего-то, на ходу приписывать.

Как пакетом тетрадей по голове огрел, когда их фамилии зачитал, четверых. Она, Светлана, тоже поддохотнула.

Соня с лица сменилась. Валя ойкнула, как испуганная наседка. И у неё, у Светланы, глаза навывкат. Вот те раз! Это по какому такому?..

– Так по праву члена парламента, ха!

Серафимовна взвизгнула.

– Да я к прокурору пойду! Пойду в комиссию по трудовым спорам! Ответишь!..

Все гамузом зашумели, на Серафимовне зло срывать стали. Лубок сидел, молчал, потом почти без крика, весь гвалт прекратил.

– Да что к прокурору, – говорит. – Давай выше. К президенту. А лучше в ООН, в комитет по правам человека. Он вас благодетельствует. Трудоустроит где-нибудь в Африке. Ха-ха! К кучерявым и черноголовым, которые без плешин. – И тут же скомандовал: – Марш расписываться под приказом!

Кстати, их фамилии, четверых, были вписаны рукой. В самом конце списка. А четыре другие, отпечатанные, вычеркнуты. Перестановку на ходу ввёл.

Соня по наивности спросила:

– А почему нас не напечатали, а подписали?

– Пропустили. Расписывайтесь.

– А я не... не буду, – робко отказалась Валя.

– И я... – сказала она, Светлана.

– А как хотите! – парировал Лубок. – Составлю акт об отказе и дело с концом.

И составил. И подписали: сам, начальник цеха, мастер. Как и полагается при сокращении, соблюли все формальности, законный вид и лад.

Дважды всех сокращаемых, а кого и по три раза, Лубок приглашал в отдел кадров, предлагал работы. Вначале тех трудоустроивал, кто подписался под приказом. А потом за них, четверых, взялся. Они, грешным делом, уж думали, что пронесло, может директор запретил, или своя совесть заговорила. Всё-таки под законом ходят. Нет, новый приказ отпечатали и их фамилии в него внесли, чтоб, видимо, не испытывали они дискриминации.

Вначале Лубок вызвал Соню. Предложил ей аж две вакансии, видать, от доброты душевной, исключительно из уважения, как к передовику производства. Первая – на склад готовой продукции, грузчиком. Мужик-то хлипкий пошёл, не выдерживает, увольняется или спивается. Вот, подбираем женщин. И вторая – в ОХЧ (в отдел хозяйственной части) уборщицей, на сортиры.

Соня аж подпрыгнула, и не от восторга. Спасибо, благодетель вы наш!.. Это ей-то, матери двоих детей, высококвалифицированной работнице?!

– Да вы!.. – и поперхнулась. Ведь не всякая добродетель маслом смазана. Бывает и с горчичкой.

Валя тоже в слезы. И она, Светлана, тоже не обрадовалась. Правда, на её счёт Лубок немного смягчился, дал понять, что на этом у них разговор не окончен, мол, попробует для неё что-нибудь подыскать. Но и ты, Светик, будь ласка. И вообще, он давно, оказывается, заметил её каштановые кудри, а к ней питает самые нежные чувства.

– Жаль, конечно, что об этом приходится говорить при не совсем приятных обстоятельствах, – поморщился. – Ещё подумаешь, что я пользуюсь своим служебным положением... – глазки масляные, липкие. Она промолчала. – Вот и хорошо, – одобрил он. – Хорошо иметь дело с уравновешенными и понятливыми людьми. Давай обо всём об этом поговорим в более удобной обстановке. Ты ведь теперь в разводе?.. – и уже более наставительно: – Ты, Светик, о нашем разговоре помалкивай. Не хотелось бы, чтобы мои симпатии к тебе омрачились. Поняла? И потом, народ-то у нас, сама видишь, какой – злой. Только попади на язык. А мы с тобой... могли бы с тобой задрожить... Словом, ты не девочка, понимаешь...

Высокие залысины его поплёскивали на свету ионовой лампы. Узкий клин коротких волос, уходящий от блестящего лба к затылку, разделял голову на два полушария и наводил на эротические ассоциации... И этот словесный блуд, намёки... Так и хотелось чем-нибудь трахнуть по этой блудливой головке!

Но в позу становиться не спешила. Приняла условия игры. Время выгадать надо. Может, как-нибудь выкрутится? Может, Колька что придумает? Может, случай какой поможет? Может...

«Может, придётся и с этим членом парламента закадрить?» – словно кто со стороны подсказал. И душа её тоскливо заскулила. И никому не сказала об их разговоре. Постеснялась. Да и кто знает, как теперь выкручиваться?.. В стране бардак, никакие законы не работают, на что теперь надеяться?

Серафимовна терпеливо выждала, пока её пригласят в отдел кадров. Никуда не бегала, хотя в разговорах намекала, что этого дела так не оставит. Найдёт управу.

Серафимовна, не смотря на своё архаичное отчество, была девахой современной и недурна собой. Но враг у неё был один и постоянный – её язык. Могла им, что называется, гладить и брить одновременно. При первой процедуре собеседник расслаблялся, подпадал под гипноз её мягкой воркотни. Это, когда её саму по шёртске гладят. Но, как только сорвалась рука – шерсть дыбом. Тут уж не взыщи. Обреет, саднить долго будет.

Высочила Серафимовна от Лубка, как ошпаренная кошка. Кричать не кричит, глаза горят, пальцы в растопырку. Так и думали – Лубка причесала по самой последней моде, всю ему плешь ногтями изрисовала.

Уметелила не то в ООН, не то сразу в Африку?..

Какая к черту тут работа? – время проведение, нервотрёпка. Те, кто сокращаемые, смотрят на тех, кто ещё работает, как на баловней судьбы. «Баловни судьбы» на них с виноватинкой, с сочувствием, от чего ещё тошнее. Сокращаемые примеряют тех на себя: чем же они лучше их, или, наоборот, хуже? И разумеется, их одёжка им не по размеру. У той, вспоминают, какой-то родственник в управлении работает. У той муж с кем-то в знакомстве. А эта – ха! – высококлассный специалист, – пристипома жареная-пережаренная. А на этой – вообще печати ставить негде.

Что, думаете, вас запросто так здесь оставили? Ха! Знаем мы, чем это зарабатывается. Бельдюги! Не завод, а сплошной аквариум! И как они здесь работали?!

Когда кто-то в чём-то ущемлён или унижен, всегда найдёт в себе тысячу достоинств, но ещё больше недостатков в своём оппоненте. И свои (достоинства) как будто бы благороднее, выше. Но, если ты чувствуешь, что они подкреплены ещё и правами, законом, но всё равно всё это вместе взятое не срабатывает, тут надо копать глубже: связи, родство, отношения... По-старому – блат. А блат, как известно, выше Наркома. Тут сдай назад и смиришься. Наслаждайся своим подлежащим положением.

– Сейчас времена не те, девоньки! – по мнению Серафимовны. И она докажет. – Сейчас суд, профсоюз, комитет по труду...

И Соня, Валя во главе с Серафимовной устремили свои стопы в заданном направлении. А она, Светлана, не пошла. На что-то понадеялась. То ли на Кольку, – с ним уже по телефону

обговорили ситуацию. Сказал: не суетись, разулим. То ли на себя понадеялась, то ли на случай?.. Не было ещё такого, чтобы её что-нибудь да не выручало. И она в этот крайний случай верила.

И точно! Правда, не совсем приятный получился случай, но ведь не смертельный. И никакие связи не нужны стали, ни прокуроры, комиссии, ни профсоюзы...

Дорабатывали последний месяц. Ходили на работу без интереса, без подъёма, как будто бы все моральные обязательства с них были сняты этим приказом, и теперь: лишь бы день да ночь – и сутки прочь. Расслабились.

На конвейере стояла, как робот, тетради фасовала. Туда-сюда, туда-сюда отсортировывала. Да и работа, действительно, привычная, с первого взгляда видно, куда какую тетрадку. А над конвейером растяжки движутся. Раньше и не замечала их, инстинктивно выработалось безопасное расстояние. Даже при желании никогда бы до них не дотянулась. А тут, словно какой чёрт толкнул – голову подсунула. Одна из железяк, ка-а-ак шандарахнет скользям по черепку – белый свет перевернулся под гром и молнии. Отключилась.

Очнулась в санпункте. Рану спиртом (ещё нашли где-то!) обрабатывают, нашатырь под нос подсовывают, в чувства приводят. Очнулась, и от боли тут же едва не скончалась. Садисты! Нет, чтобы, пока была без сознания, издеваться, спиртом рану смазывать. Обязательно оживить надо...

Десять дней отвалилась в больнице, и выписали с диагнозом: производственная травма, сотрясение мозга, скальпирование волосяного покрова головы. Потом дома две недели по больничному отсидела. И на работу вышла, с больной головой. Можно было бы ещё с недельку прихватить, а если закосить – то и больше. Так тот же Лубок уговорил выйти. Когда надо, без мыла, куда не надо влезет. У них там, мол, по каким-то правилам, не то по техники безопасности, не то по возмещению (оказывается, есть ещё такой закон, – никогда бы не подумала!) нежелательна долгая госпитализация. Руководству чего-то там наворачивается, за травматизм на производстве.

– Ты ж не враг своему родному предприятию, – уговаривал Лубок. – Подумай. Каждый день в копейку встаёт. Директору неприятности. А он тебя теперь в беде не оставит. И работой по-прежнему месту обеспечит, и премию какую подкинет...

Нет, когда дело касается сознательности, то мы что – не люди? Мы ж с понятием.

И все! Девчонки-бабёнки куда не бегали, как не крутились, на то же самое и сели. То есть их под это самое место и вымели, ни на что не посмотрели. С ними ж все формальности соблюдены? – соблюдены. Администрация им работу предоставляла? – предоставляла. Какие к ней претензии? А другой работы, вам по нраву, нет, извиняйте...

А её оставили. Из-за производственной травмы оставили. Двадцать процентов нетрудоспособности, ВТЭКом засвидетельствовано! Куда администрации деваться? Обязана? На все сто обязана! Теперь ей и Лубок по фигу, кобель плешивый. Хотя, в конфликт с ним лучше не вступать. Себе дороже.

Так что, повезло ей. И всё по закону. Никто не скажет, что она рыба, чёрте знает под каким соусом.

2005г.

Кряж

Вадим Матвеевич Григорин вышел с заседания президиума облсовпрофа ошеломлённым. В мозгу пульсировали вопросы, на которые, казалось, он давал вполне понятные ответы.

Вот кто ему вразумительно скажет: для чего сейчас на предприятии нужен профсоюз?.. А он знал ответ в отличие даже от областных профсоюзных лидеров и отвечал:

– Не-ну-жен! – и на том стоял.

Раньше – да, нужен был. Во-первых, он ведал санаторно-курортными путёвками и выдавал их. Будучи сам когда-то членом комитета объединённого профкома комбината Вадим Матвеевич этими благами пользовался. Было времечко, поездил по курортам. Профком также оказывал помощь и на зубопротезирование. А соцсоревнования... Если не каждый месяц, то в квартал обязательно денежное поощрение, в том числе и из фонда профсоюза. Потом он ведал материальными благами, теми же дефицитными товарами. Очередностью на квартиры, на машины, на гаражи, на дачи. На те же холодильники и телевизоры, даже на детские коляски. Теперь вроде бы смешно себе представить, но профком распределял и нижнее бельё, как мужское, так и женское. Мужу много ли надо? – майку, трусы, ну ещё носки. А дамам – кое-что специфическое. И они в очередь записывались, хлопотали, бегали, в том числе и к нему, как к члену профкома, и как к директору одного из структурных подразделений комбината. Григорин знал почти каждую женщину по всем её параметрам: бюст, бедра, талию, длину ног, размер ступней. Да что он. Генеральный знал!

– Своих людей я должен знать от сих до сих и глубже! – говорил он.

Весь процесс распределения товара держал под своим контролем. И на заседании объединённого профкома по распределению очередной партии товара мог любого начальника цеха осадить. За тот же лифчик.

– Хо! – бывало восклицал Татарков. – Да у твоей Матрениной Лидки груди, что у коровы-рекордистки. А ты ей первый номер лифта. Дочке она берёт!

Или за те же плавочки.

– На такую попу, да такие трусики! Да вы что?

И попадал размер в размер.

Да куда не сунься – всюду профсоюз был. А теперь? Что от него? И какая значимая польза руководителю?..

– Правовая, – лепечут.

В постперестроечные преобразования комбинат обанкротился. Тут уж не хватило способностей и знаний Татаркова. И его самого новой хозяйской метлой вымели. Ну и прочим замам, и помощникам пришлось последовать его примеру. Те же, кто был помоложе, искали места на разных предприятиях в округе. Кто-то находил, а кто-то и отчаивался, спивался, опускался, и, не дождавшись перемен к лучшему, отходил в мир иной, на преждевременный покой.

Вадим Матвеевич был не из таковских. Он при социализме на ходу подмётки рвал и тут не дал себе застояться. В результате многоходовок нашёл силам своим применение. Вошёл в контакт с новой районной властью и получил назначение.

Став директором только что образовавшегося жилищно-коммунального хозяйства посёлка, Вадим Матвеевич развернулся. И не без успеха.

Во-первых, дисциплину поднял. От всей пьяни и швали освободился. Зарплату, по местным меркам, сделал более-менее сносную. Немало было проделано в результате реорганизации управления и на самом предприятии ЖКХа. И всюду он чувствовал своё влияние, и всем чувствовалась его крепкая хозяйская рука. Здесь он был ни от кого не зависим, и не было нужды оглядываться на чей-то окрик. И все это, несомненно, положительно сказывалось на его внут-

ренной раскрепощённости. Инициатива, внутренний комфорт – вот двигатель созидательного процесса.

Первый раз о себе напомнил профсоюз года полтора назад. Тогда при слиянии с ЖКХа и паросилового цеха – ПСЦ, – а проще – котельная, – он узнал, что там существует профсоюзная организация. И честно говоря, был этому немало удивлён. Вадим Матвеевич уж забыл о нём и думать. Так, иногда, в воспоминаниях, или при разговоре со старыми комитетчиками, когда и вспоминал и то с иронией, как об органе, деятельность которого была целиком под контролем руководства предприятия, в том числе и его личном на его заводе. С помощью профсоюза воспитывали, с его помощью и меры принимали и на тех, на кого надо, и на тех, кого не надо, но очень хотелось. И он сам принимал в той деятельности активное участие. Так что знал о профсоюзе всю подноготную и не понаслышке. И понимал его практические цели, задачи того уже прошедшего насущного момента. А теперь-то он для чего?..

И вот появляется перед ним какая-то рыжая бестия и заявляет:

– Вадим Матвеевич, почему работникам цеха спецпитание не выдаётся?

Тогда с бюджетом в ЖКХа кризис был. На зарплату, на ремонт и отопление квартир и прочие нужды денег не хватало, а тут ещё – с молоком. Ха! Счас, как навымню, подходи. И то – персонально...

Другой раз из-за спецодежды прицепилась. Давай им робу, рукавицы, сапоги. Видишь ли, поизносились они, поизодрались. Так тащите из дому!..

Тут с колдоговором пристала...

И коллективный договор, и спецодежда, и молоко – всё это было во времена канувшего в лету достославного социализма. Тогда на эти блага государство спонсировало, государство доили. А теперь откуда что брать?.. И Вадим Матвеевич эту деятельницу – не сказать ещё ласковее, – проффурсетку, стал игнорировать. А при встречах на любые темы всякий раз категорически заявлял:

– Некогда. Занят. Уезжаю. Убегаю. Улетаю...

Должна же, наконец, понять, кто здесь хозяин, и не мешаться под ногами.

Правда, с молоком, со спецодеждой надо было вопрос решать. Что законом предусмотрено – не отмахнёшься. Тут много контролёров и кроме профсоюза. Пришлось уступить. Теперь вот с колдоговором наезжает. Да нужен он! Что положено, рабочие и так получают. Есть на это законы – и хватит. И не хрен размазывать их ещё по этим договорам, соглашениям, решениям – поважать.

Григорин снобизмом занемог задолго до перестройки. Его напористая натура за это время пообтесалась, стяхнула с себя груз эмоциональных комплексов, переживаний, и он задубел, заскоруз, за что в своё время его прозвали – кряж. Он и на вид был кряжистым: среднего роста, с широкими плечами, спина слегка присутуленная и короткая шея, как у борца, готового сию минуту вступить в схватку с противником. Глаза под навесом густых бровей сверлили буравчиками. От такого взгляда оппонент испытывал беспокойство, неуверенность. Он это чувствовал, потому как сам прошёл через такое к себе отношение со стороны Татаркова, и волей или неволей незаметно для себя перенял его характерные черты поведения. Он видел: если Татаркова не любили, но побаивались, значит, уважали. А это в руководстве немало. А почему? Да потому что он делал всегда и всё по-своему, даже если был не прав, но зато решительно и твёрдо. И профсоюз тогда для него был хорошим помощником, средством в управлении коллективом. Навязанным средством. Той же партией родной навязанным. И он им умело управлял. А сейчас партии нет. Что его навязывать? Для чего? Влиять через него на рабочих? Сами управимся, без ассистентов. Да дайте нам лишний рубль, мы найдём, как на них, на рабочую силу эту повлиять...

Но и без рубля он чувствовал в себе силу. Люди другими стали – напуганные, смятенные, а потому безропотные. Всё тихо было, лад и согласие. И тут эта...

«Здрасте, я ваш профком!»

– Вадим Матвеевич, срок поджигает. Я вам передавала проект колдоговора. Пожалуйста, давайте создадим согласительную комиссию.

Вежливая: «Прошу вас. Пожалуйста». Да на кой он нужен, твой колдоговор? В его Проект половина КЗоТа передрали. Да будь его воля, он бы и из КЗоТа часть статей изъясил. Что это за закон, если он, руководитель, не может использовать рабочего в выходной? Директору за это деньги платит. Или же сверхурочная работа?.. Сейчас деньги решают всё! Нужны деньги – пусть вкалывает. Нет – скатертью дорожка. А тут обкладывают норма-часами, тарифами, объёмами, праздничными, аккордными... В этом смысле можно позавидовать частнику. Ему все законы по боку. Как он использует работника, в качестве кого, сколько времени и что платит?.. – никого не колышет. И без колдоговора, без КЗоТа обходятся...

– Вадим Матвеевич, вы почему запретили вашей бухгалтерии проводить перечисления профвзносов на счёт профкома?

Это спросил очкарик на заседании облсовпрофа, перебирая на столе проколы его профкома, кляузы на него.

Григорин хмыкнул.

– А ваш профком будет оплачивать бухгалтерии эту работу?

– Этот порядок утверждён Законом о профсоюзах.

– Хм, боритесь за справедливость, а сами?.. Людей бесплатно заставляете на себя работать. Надо – сами собирайте. Вон, как в старые добрые времена...

– Ага, при царе Горохе, – усмехнулся зампредседателя облсовпрофа. – Вадим Матвеевич, к вам на протяжении вот уже года и в устной и в письменной форме обращается ваш председатель профкома с замечаниями по нарушению законодательства о труде. В частности: по дополнительным отпускам. Вот, пожалуйста, утверждённый вами график работы бригад, участков, цехов, и без согласования с профкомом, без подписи председателя. Как это прикажете понимать?

– А чего тут понимать? Что касается дополнительных отпусков, то они поглощаются основным отпуском, двадцатью четырьмя рабочими днями. Какие тут ещё дополнительные отпуска?

– Верховным Судом был признан отпуск в двадцать четыре рабочих дня основным, следовательно, к ним присоединяются дополнительные. Вас с этим постановлением суда ваш председатель профкома ознакомил?

– Знакомила, – чирикнула проффурсетка.

– Так в чём же дело? Если вы не согласны с решением суда, так апеллируйте к Госдуме или к Конституционному Суду.

– Тогда некому будет работать. В стране разруха, некогда гулять... А что касается графика работы бригад, участков, то он составлен согласно КЗоТ, и без переработок, – резонировал он.

– А график отпусков? С учётом пожеланий работников?

– Хм. Мало ли кто чего желает?

– И даже он не выдерживается.

– Когда считаю нужным, тогда и отпускаю. Надо ещё и производственную необходимость учитывать ко всему прочему.

– Так это вы могли бы обсудить на колдоговорной конференции и принять соответствующее дополнение.

Ха, обсудить, принять, согласовать! Он что, сам этого не видит? Сам не сможет принять самостоятельные решения? Тогда на кой он тут, такой директор?..

Григорин ехал домой из области на УАЗике и смотрел вперёд на дорогу, изредка по сторонам. Шофёр с ним не разговаривал – у шефа настроение было явно подпорчено. Взглянул

перед отъездом от облсовпрофа, как бревном придавил. Ляпнешь, что не так, ещё из машины вышвырнет. У него дури хватит.

А Вадим Матвеевич действительно негодовал. Законники! Дали им волю. Какой-то профсоюз – не суд, не прокуратура! – ему угрожает. В ушах всё ещё слышался голос женщины. Ровный, чётко поставленный.

– Областной комитет профессиональных союзов, рассмотрев дело профсоюзного комитета ЖКХа и, основываясь на заявления профкома (протоколы №...), на те беседы, что работники облсовпрофа и инспекторы Трудовых Инспекций проводили с руководителем ЖКХа товарищем Григориным В. М. – («Тамбовский волк вам товарищ!») – которые не однократно указывали на нарушения Закона о труде, Закона о коллективных договорах, Закона о профсоюзах – принимает постановление:

На основании ст. 7. «Закона о профессиональных союзах» обратиться к администрации Муниципального образования с предложением об освобождении Григорина Вадима Матвеевича от занимаемой должности.

Он тут же потянулся к лежащей на столе книжице – к Закону о Профсоюзах и стал листать его. И нашёл статью. И только теперь почувствовал, как пружина самонадеянности приослабла в нём. Но на короткий момент.

Чушь какая-то! Смех! Его уволить? И не за производственные недоработки, или ещё хуже, за попустительство, хищения ли, а за неуважение профсоюза. Абсурд! Такого никогда ещё не бывало! Да на это никто и не пойдёт. Это просто не серьёзно! Так можно чёрте до чего доиграться при такой демократии...

Григорину, учитывая постановление Облсовпрофа, на очередном заседании Муниципального правительства был объявлен выговор. А также было принято решение: дать ему трёхмесячный срок на исправление допущенных ошибок.

Через три месяца – уволили. С корнем выкорчевали.

Через полгода, зимой, жители посёлка подведомственного ЖЭКХа едва не замёрзли.

2000г.

В тумане

...И вот середина лета. После тридцатиградусной жары, установившейся со середины мая, наконец, похолодало, и это миленькое погодное явление дополнилось долгожданным дождичком с небольшим градом. И теперь лопуху, картофельной ботве, и кое-где теплицам из старой плёнки – прелость не грозит. Град проделал в растительном мире дополнительные отверстия для вентиляции.

Такая была весёлая весна, такое обилие цветов, даже после неожиданного морозца в начале лета на ранние всходы, которые успели расцвести и разветвиться, и вот по всему этому, по этой красоте – картечью!

Василий Яковлевич, глядя из окна дачного домика на повалившуюся ботву картошки, на прибитые грядки морковки, чеснока и лука, на что всё ещё сыпал мелкий мутный бисер, не мог понять своего состояния. С одной стороны, вроде бы надо радоваться дождичку, а с другой – катастрофа! Вот и верь после этого обещаниям синоптиков и прочим местным предсказателям.

«Эх-хе... Никому верить нельзя. И некому пожаловаться, не у кого просить помощи...»

За территорией дачного участка простиралось огромное поле молодой пшеницы, покрытое, как дымкой, васильковой бирюзой. Не смотря на злобность этих сорняков, поле без васильков не было бы столь живописным и оттого приятным для глаза, для души. Эта «казовость» чем-то ему напоминала российскую действительность, которую искусно прикрывают по телевизору эстрадой.

Особенно сейчас – после дождичка и града – васильки и ромашки, словно новой силой налились, ярче стали выделяться на фоне поникших злаков. Ветер, пробегая по полю, приглаживает пшеницу, как бы жалея. Прокатывается волнами сверху вниз к Залидовским лугам, и дальше, к Угре, и далее по левой её стороне до деревни Комельгино и села Дворцы. И, наверное, докатится до Киевского тракта, который в ясную погоду виден отсюда, с возвышенности, и даже машинки, снующие по нему.

Если смотреть отсюда, с того места, где когда-то стояла деревня Сабельники, а теперь дачи, то невольно охватывает радостное ощущение от этой трогательной панорамы, не смотря на томившую последние годы грусть. Словно перед тобой лежит вся матушка-Россия, как на ладони: эти луга, поля, деревни... Вся она – его Россия. Тихая, загадочная, а в часы ненастья – унылая, обиженная, оттого ещё более пронзительно трогательная. Но он знал, что это до первого луча солнца. Тогда сразу всё изменится, земля преобразится, оживёт и станет ещё живописнее, ещё привлекательнее. И деревни Комельгино, Дворцы, Якшуново и Киевский тракт проявятся яснее.

Но сейчас его Россия в тумане...

– Эх-хе... Что же это такое? – в сердцах вздохнул Василий Яковлевич.

Закончив школу, десятый класс, дочь не осталась с родителями – уехала. Вначале в Калугу, а потом – в город своего детства – и юности Василия Яковлевича – в город Ангарск, в Прибайкалье. Через два года, после службы в Армии, туда же направил свои стопы и сын. Тоскливо стало Василию Яковлевичу в опустевшем гнёздышке, в трёхкомнатной квартире, скучно. И хоть они с женой и понимали причины, вытолкнувшие молодёжь отсюда, однако, сердце нет-нет да заносит от досады. Ведь переехали-то они сюда ради них, детей, по совету медиков сменили место жительства. В детях, в жене, да и в нём самом начали астматические явления проявляться – и в загазованном городе нельзя было дальше оставаться. А дети через десять-пятнадцать лет обратно вернулись поближе к химии. Правда, теперь, в период экономического хаоса, часть сильно вонючих цехов и заводов в городе приостановлена. Но это пока. Пока эта необходимость с рублём или с долларом не стакнулась. При теперешней неразберихе

и нищете не до экологии. И там, в индустриальном городе, всё же можно найти работу, да и есть, у кого пристроиться – у дедушки с бабушкой, то есть у родителей их родителей.

– Тут, в вашем болоте, быстрее задохнёшься! – сказала дочь на их возражения. – Тут только вам, пенсионерам, жить.

И хоть в посёлке имелось два Дома Культуры, один из которых, новый, с двумя залами – большим и малым, танцевальный зал (или дискозал) и на этажах комнаты для студий, кружков, также и библиотека – всё это оказалось не нужным и даже нелепым в теперешней жизни. Строился этот Дом Культуры с расчётом на нормальную жизнь, теперь – стоит как памятник благих намерений. Некому в нём работать и некого в нём учить и веселить. Все специалисты от культуры сокращены, как за ненадобностью. Молодёжь сейчас больше с пивком подружилась, да по подъездам шарятся. Да ещё вот, по дачам, безобразничают. Больше-то им нечем заняться...

Небо, казалось, немного посветлело, и дождь как будто бы прекратился. Но налетел ветер и принёс новую тучу, и в вновь скрылась его Россия пелене дождя. Только два густых раскидистых дерева, старые вековые липы, чудом уцелевшие посредине поля на склоне к Залидовским лугам, видны были сквозь серую марь и темнели расплывчатыми пятнами.

Года два назад Василий Яковлевич хотел поменять квартиру в их посёлке на Ангарск, чтобы обратно в родные края податься к старикам родителям, а теперь и к детям. Пытался сделать равноценный обмен: трёх – на трёх, плюс доплата. Раньше такое проводилось, центральная часть России ценилась. А поскольку сейчас в ходу «лимоны», то думал на ту доплату – взять контейнер, и чтобы самим ещё на билеты хватило. Дети в Ангарске объявления в местных газетах и на телевидение дали, на столбах развесили. Но те недавние времена прошли, и желающих переехать в центральную часть не нашлось, и даже наоборот, сами доплату требовали. Так и не получилось с обменом.

Решили тогда разменять свою трёхкомнатную здесь, на месте. Трёх на двух комнатную и доплата, чтобы на эту доплату детям как-то там помочь. Сын к тому времени на кредит попал. Хотел с двумя братьями, его друзьями, какое-то частное дело открыть, да браточки оказались ушлыми. Подставили. Банк коммерческий на него на одного наехал – друзья в сторону, а он отдувайся. Иначе посадят.

И с разменом дело не задержалось. Через неделю-полторы всё устроилось. Но тех денег, что получили за доплату, было маловато.

Если до перестройки у Василия Яковлевича лежало на сберкнижке две тысячи, подкапывали на чёрный день, да только, независимо от их намерений и природных явлений, на страну стали накатывать то чёрные вторники, то чёрные четверги, а потом и вовсе каждый день стал чёрным. И те большие две тысячи превратились в мелкую пыль, в песчинки. Одна сберкнижка осталась, в которую заглядывать – себя смешить сквозь слёзы.

А тут, как на грех, новые банки с экранов телевизоров стали обещать гражданам, что каждую песчинку их вклада они превратят в жемчужину. И подумалось им тогда: коль Сбербанк так прокинул их, то, может быть, здесь, в новых банках, что-нибудь выгорит?

«И если на полгода... – размышлял тогда Василий Яковлевич, – под те же триста процентов положить эту доплату, то, глядишь, к лету тех накоплений хватит, чтобы помочь сыну, и дочери что-нибудь достанется».

А тут реклама за рекламой, ни кино из-за неё не посмотреть, ни спортивные программы. Один фонд пять рублей на каждую тысячу обещает за день, другой – за неделю 30%, третий – 300% за год... Глаза разбегаются. А к «Ростиславу» – так отбоя нет, каждые семь секунд вкладчики его преодолевают. Минуты по три реклама очередь к нему отслеживает. И народ прёт в него, двери не успевают закрываться. Доверяют, видно.

Да и как им не доверять, фондам этим. Государство их благословило, лицензии им выдало, право на предпринимательскую деятельность – так, значит, что? – они с ним заодно. На благо населению вместе работают. Это не ранешнее время, когда один Сбербанк был, и что

хотел, то с вкладами и делал, разумеется, не в ущерб себе. От обиды на него и от безвыходности, они и вложили ту доплату в разные фонды: в «Русскую недвижимость», «Селенга» и «Ростислав». Пусть Сбербанк со своими мизерными процентами сидит себе, как паук на паутине, и ловит простаков.

Все устраивалось, как будто бы хорошо. Двести девяносто процентов – это через полгода, какой будет навар! Вот и выкрутятся...

Эх, знать бы броду, не полез в воду... Но всё новое, а вера была старая.

Василий Яковлевич горестно усмехнулся, и на глаза как будто бы стал опускаться туман. За окном становится опять мутно, что ли? Заморгал веками – слеза. Хорошо хоть один на даче, не перед кем стыдиться за неё. Огород сейчас только и кормит их, ни работы, ни сбережений, и вклады всё погорели...

Дождь прекратился и над Залидовскими лугами, над Угрой от нагретой за продолжительный зной земли стал подниматься густой пар. Он поднимался, как предутренний туман, но не из низин, не от Угры, как обычно, наползая на возвышенность, а со всей окрестности, как с гигантской раскалённой сковороды, на которую плеснули воду. И теперь уже не дождь, а пар застилал перед взором Василия Яковлевича его Россию.

Когда услышал по радио, что представительство «Ростислава» в Калуге закрылось, а его служащие куда-то исчезли, по крайней мере, редакция радио до них не может дозвониться, Василий Яковлевич в первую минуту не поверил такому сообщению. Да и прозвучало оно как-то полусерьёзно, ёрнически, как будто сообщили нечто анекдотичное. Над вкладчиками, видно, пошутить решили. Сами же рекламу ему каждый день крутят и по несколько раз в час, и тут же сообщают о закрытии представительств. Чему верить? Что это, как не редакционный каламбур?

Да и в газетах реклама не прекращается. И по-местному и по центральному телевидению всё ещё метроном постукивает – денежки вкладчикам отсчитывает. И люди, глядя на экран, идут и идут в «Ростислав». Да и в другие фонда заманивают: краснодарским чаем вон угощают, каждую песчинку вклада всё ещё превращают в жемчужину. А некоторые и с назидательной заботой напоминают, что «будущее ваших детей в ваших руках». А «Хопер»!.. Вышла эта речушка из кисейных берегов Волгоградской области и разлилась по всей стране, не зная границ. А «Селенга»? Та и вовсе, сказывают, через российские границы перетекла. Или «Русская недвижимость»?.. Нет, уважаемые господа-товарищи редакторы, не надо. Не надо из российских людей последних дураков делать, не надо пудрить им мозги. Неприлично, непорочно даже как-то...

А тем временем слухи расплзались с нарастающей силой, и чем дальше, тем беспокойнее. И у Василия Яковлевича начало внутри тревожно подмывать и холодком сердце окатывать. И эти слухи до сих пор ещё в ушах звучат:

- А «Ростислов-то» накрылся, и наглухо...
- «Селенга» с «Хопром» накрылась...
- «Русская недвижимость» приказала долго жить...

Соседи по дому, по дачам те слухи разносили.

Василий Яковлевич недоумевал. Как такое может быть?.. А договора?.. А деньги?.. И тут же его как будто бы подъегоривал кто-то: «Плакали ваши денежки! А договор... в другом офисе теперь используй, да смотри, не оцарапайся...»

Не поверил. Поехал в Калугу. И вначале в «Селенгу», что в ДК «Строителей» на площади Победы находится. Выбрали же местечко, в насмешку что ли над вкладчиками? На позор Площади Победы...

Приходит и видит: ДК на месте (если бы что случилось, то не примерно провалился бы в тартарары!). На витражах все ещё белый листочек «Селенги» – фирменный бренд (так теперь прозывают ярлыки разных компаний).

– Вот люди! Надо же... – с облегчением вздохнул Василий Яковлевич и усмехнулся на сарафанное и электронное радио. И несколько повеселевшим стал подниматься на второй этаж.

Однако, как только предстал перед железной дверью, закрытой и опечатанной, вновь усмехнулся, но уже кое-чему другому, и едва это «другое» не выразил вслух. И отчего-то стыд какой-то подкатил, глаза от прохожих отворачивать начал. Как будто попал впросак, и люди над ним насмеются. Мужчина по коридору прошёл, и на лице ухмылка... Может так показалось – ведь нелепейшая ситуация. Тебя, как луковицу обшелушили, и ты сам себе этим луком глаза натёр. Без боли слезятся.

Все-таки Василий Яковлевич остановил одну женщину, служащую дворца культуры, та бегала с какими-то бумагами по этажу.

– Дочка, извини, пожалуйста, скажи мне, что тут стряслось? Почему «Селенга» закрылась?

Та хоть и смотрела на него спокойно, а в уголках глаз бесенята прыгали.

– Они, папаша, сбежали.

– То ись, как сбежали?

– Сбежали, да и всё. Вместе с вашими денежками.

– И... что же теперь?

– Не знаю, – пожалала молодайка подбитыми ватином прямоугольными плечиками. – Тут они по утрам каждую пятницу теперь собираются. Не то митингуют, не то хором плачут. Приезжайте к девяти часам в пятницу, может, что и узнаете.

Сбежали!.. Да как же может быть такое?.. С площади-то Победы?.. Куда же власти смотрят? Как у них под носом могло такое случиться?..

Вышел Василий Яковлевич на улицу сам не свой. Всё у него в мозгу перемешалось, в том числе и помощь сыну, и так... кое-какие радужные планы некогда роились. Лопнули мечты, и, кажись, пропали деньги. Сердце заныло, по нему как будто бы чем острым полоснули, даже дух занялся... Из последних сил съездил на троллейбусе на «стрелку» в Калуге, где постамент Карла Маркса разрезает улицу на двое и где администрации Ленинского района находится. Там рядом с ней в соседнем здании «Ростислав» располагался.

А уж до «Русской Недвижимости» сил не хватило съездить.

Как домой потом добрался, уже не помнит, как во сне.

Было это в конце января. И январь, февраль были слякотными, грязными, что омрачало жизнь ещё более.

Весь остаток зимы Василий Яковлевич посвятил хлопотам по юридическим конторам. И везде деньги, деньги, и не малые. Для кого-то, быть может, они ничего не значащие, а для него с его пенсией, да при больной и не работающей супруге – совсем разорение. Жена была ещё не на пенсии и не работала, негде, не тот возраст, да и завода того уже нет.

Вот вроде бы и законы есть, и суды на месте, а хода делу нет. Как в болоте, всё тиной затянута и как будто бы ряска в нём ещё больше жирует.

Всё бы мог понять Василий Яковлевич, или бы постарался понять, если б он отдал свои кровные, скажем, соседу, или даже родственнику, то есть частному лицу, а тот оказался бы пройдохой. Обманул. Но здесь-то, на глазах всего мира, под строгим оком государства тебя и сотни-тысячи народа обобрали, ободрали, как липки, и ты же, оказывается, ещё и виноват, дескать, надо было смотреть, куда деньги вкладываешь. А как смотреть? Кто разъяснил? Доворяли-то не банку, а государству. Оно ведь разрешило им этот вид деятельности. Так выходит, оно что, тоже такое же лопухое? – этого Василий Яковлевич никак не мог понять. Такого даже в дурном сне невозможно представить.

Хотя нет, видел. Вещий был сон, дурной конечно, но в руку, – как в народе говорят. Только не понял он тогда его. «Не понял!..» – с болью простонал Василий Яковлевич. И хоть

неудобно о нём вспоминать, но он до сегодняшнего дня его до мелочей помнит, и иной раз и взаправду при ходьбе ноги, как той ночью во сне, повыше поднимает, из опаски, как бы в такое же нечто неприличное не вляпаться. И видел тот сон незадолго до крушения финансовых пирамид.

Снилось ему, что как будто бы он находится в каком-то большом городе, и даже не в городе, а как будто бы – в огромном населённом пункте размером во всю страну. По крайней мере, сонные ассоциации таковыми были. И вот он, Василий Яковлевич, ходит по этому городу из края в край и не находит более-менее приличного места для туалета. А ему, в том сне, ой как в него приспичило. Прямо невтерпёж. А сходить не куда. Эта огромная территория была вся в дерме, и народ бродит по нему, не зная куда ступить, чтобы не испачкаться. И он, то в один туалет забежит – там по щиколотку, то в другой – и там не меньше. Уже и на улицах ступать стало не куда. Люди маются, места себе не находят, бродят по тому дерьму, а у него уже полные потроха, руками живот придерживает... Проснулся, и с испугу мац-мац рукой под одеялом – чисто! Вдохнул с облегчением и побежал в туалет. А потом долго гадал, к чему бы это?..

И точно! Через месяц не только он, миллионы в нём оказались – не в дерме конечно, а в хорошей «шопе» – это на иностранный манер.

В суде, куда подавал на пирамиды заявления, у судьи осторожно спросил:

– Толк-то будет?..

Судья дёрнул плечом и на его утомлённом лице вздрогнул уголок губ, что, скорее всего, выражало сочувствие, и Василий Яковлевич упал духом. Тоскливое чувство безвыходности охватило его, словно он вновь ступил в то самое, где находился в ту ночь. Вот и верь или не верь теперь в сновидения.

И как он тогда не сообразил, к чему сон? Бежать надо было пока не поздно в эти банки-лохотроны, снимать деньги...

Возвращался Василий Яковлевич с судов домой в полном упадке психических сил. Хуже нет ждать неизвестно чего: то ли милости, вдруг ниспосланной государством, праведного суда, не то – окончательного разорения. Но не столько даже деньги жалко было, хотя конечно в них дело, больше болела душа из-за сына. Что с ним будет? Как теперь он выкручиваться будет? Дачу продать, ведь больше-то ничего нет. А без неё – у них у самих жизнь короткой окажется. Хотя, кто сейчас дачу купит, кому она нужна в обезлюдевшем посёлке, в обнищавшем?

Уже и дети писали, успокаивали; мол, коли, не были богаты, так хрен собираться... (Мать им отписала о его переживаниях.) И просили не убиваться... А у Василия Яковлевича от их сердечного сочувствия на душе становилось ещё горше. Хорошо, что дачные дела начались, они понемногу отвлекали от переживаний.

Огород поначалу радовал: отсадились вовремя, дружно

зацвели сады, вишни, яблони, грушка-малышка. Природа словно бы вопреки превратностям мирским, цвела и благоухала. С весны установилась жаркая погода, и до того, что начали уже беспокоиться – не иссушила бы посадки. Уже и поливать нечем, в колодце вода уходит.

Но произошло другое. На яркие цветы и нежные завязи вначале упал морозец. Подчернявил завязи. А теперь среди лета – град. Как говорят: до кучи!

Василий Яковлевич смотрел на безобразия, какое натворили сейчас природные явления, и с грустью приговаривал:

– Вот так вот вас, вот так вот... Чтоб не раскатывали губы. По сопатке, по мурлам. Спереди и сзади. С той и с этой стороны. Чтоб и дух из тебя вон!

Он смотрел на пар, нависший туманом над Залидовскими лугами, над его Россией. И смаргивал едкий туман, теперь часто набегающий на глаза, смахивал его ребром ладони.

И не видел ничего радостного впереди: ни для себя и ни для своих детей, ни в ближайшем, ни в отдалённом будущем.

...Уж не один год прошёл, не одно лето, а деньги так и не вернули. Даже в суды не вызывали. Владельцы пирамид, оказывается, обанкротились, а государство, которое им давало добро на их деятельность – не-при-чём! И круг замкнулся. Умыли руки одни и фигу показали другие. И Василий Яковлевич, вспоминая те банки, рухнувшие пирамиды, всякий раз с сарказмом усмехался: хорошо сработали! – молодцы ребятки. Кое-какие гроши вкладчикам Сбербанка государство обещает вернуть. А таким обманутым вкладчикам, как он, Василий Яковлевич, и иже с ним, вежливый отлуп. И круг замкнулся. Теперь и надеяться не на что и не на кого. Ни работы, ни зарплаты – кругом обман...

Эх, Рассея, Рассеюшка, в чём твоё будущее?.. Всё в тумане.

1995г.

Русская недвижимость

На этот раз его все же уволили. Сократили как недвижимость. Да и какой с него был прок? Лежал, скулил, страдал, как старый пёс на пепелище родного дома, то есть завода. Последнее время из сторожки носа не показывал. Недвижимость в недвижимости.

– Давно надо было, – сказал он на это увольнение и почувствовал облегчение. – К чёрту! – И не пожалел, что потерял зарплату.

То, что Аристархович поддавал, знали все, но мирились. Лишь бы службу нёс. А больше – потому ещё, что не больно-то на такую зарплату находилось охотников (сторожей), да и то деньги не всегда выплачиваются вовремя, с большими задержками. Так что мирились: они (администрация) – с ним, он – с ними, как мог.

На механическом заводе Аристархович отработал больше двадцати лет, с самого его основания в должности главного механика. Всё, что закладывалось тогда на этой строительной площадке, не проходило мимо его рук, глаз, мозгов, и оттого знал он его, как свои пять пальцев. Может, и лучше, потому как на пальцах ранки зарубцовываются и забываются, но то, что приходилось строить, монтировать, пускать в действие, в процесс; на чём набивал шишки, зарабатывал выговора, изредка – поощрения, что порой не давало покоя ни днём, ни ночью, – всё это в памяти оставляет след глубже и надолго.

И когда-то этот труд приносил удовлетворение, даже – гордость. Вот взять хотя бы тот профиль, который при монтаже поднимали кран балкой, груз, втрое превышающий нормативы. Сам взял на себя ответственность, и развернули. А станки с ЧПУ как устанавливали? С такой точностью, какую в аптеке, наверное, не всегда выдерживают. А термичка?.. А литейка?.. А мехмастерские?.. Шутка ли – завод из четырёх корпусов под одной огромной крышей...

И-эх! – плеснуть что ли, чтоб горе не завилось верёвочкой.

Аристархович, когда завод встал, сам слёг в больницу. В одно время с заводом у него сердце сбилось с ритма. И того гляди, тоже остановится. Нет, только инфаркт случился. Выкарабкался. Врачи рекомендовали отлежаться и отсидеться дома. А тут и пенсия подошла. Пять лет на завод носа не показывал, хотя знал, что там творится – по рассказам. Переживал. Но одно дело, когда переживаешь со стороны, другое – когда своими глазами видишь. И им, своим зрячим пока ещё, не хочется верить. Такую Перестройку он и в пьяном сне не мог себе представить. Какого рожна согласился? И не пьян ведь был.

Когда в первую свою смену вошёл на территорию завода, почувствовал, что колени слабеют. А глаза, словно паром затуманились, будто титан с горячей водой в нём самом вскипел. Идти не мог. Вернулся после обхода в сторожку, упал на топчан и часа два отходил, или, наоборот, приходил в себя. После кипятка в холод бросило среди лета.

Э-эх, давай по маленькой, чтоб сердце не болело, и градус поднялся...

Как-то пришёл начальник, тоже горе луковое. Раньше был бригадиром в одном из цехов завода. Теперь не поймёшь кто: то ли старший сторож, то ли директор этого саркофага, что одиноко стоит из стекла и бетона?

– Пошли, – говорит, – Аристархович со мной. Поможешь. Опять злоумышленники на заводе проникли. Заложили ворота изнутри, один открыть не могу.

Пошли. С полчаса открывали. Наконец, вошли внутрь. И он за сердце схватился. Ох, Бог ты мой! Да змеюка ты ж, подколотная! Да чтоб тебе ни дна, ни покрывки! Да ты, куда меня завёл?.. Совсем dokonать взялся! Да на такое смотреть без сердечной боли невозможно. Ой-ей-ей...

Станки, которые он вместе со своей механической службой здесь монтировал, стояли на прежнем месте. И токарные, и сверлильные, и шлифовальные, и горизонтальные, и с ЧПУ.

Ну, вот как будто бы завод только что приостановили, как будто рабочий народ на первомайскую демонстрацию выдернули. Вот сейчас вернутся, и оживут, закрутятся цеха. Литейка зашипит, кузнечный зашлёпает, штамповочный... Да только бред всё это, мираж.

Ни в одном из станков и механизмов нет живых органов, всё повыдрано, вся сердцевина – электрические сборки, пульта управления, панели. А кабелей электрических, этих кровеносных сосудов, – потому они и красные, медные, – ни у одного станка нет! Всё онемело. Весь завод!

Аристархович вернулся в сторожку, лёг на топчан из-за слабости в отдельных частях своего тела и сказал:

– Всё! Отлежусь, и пойду увольняться. Плесни, не то всё – вытянешь меня отсюда за ноги. А тот, горе луковое, – то ли бригадир, то ли директор над всей этой недвижимостью, – бил себя едва ли не пяткой в грудь и обещал не отравлять ему жизни. Потом плакали, подвыпивши.

Но уговорили остаться, не увольняться. Хоть и выпившим он был, но на такое нарушение караульной службы никто как будто бы не обратил внимания. Может быть, из сочувствия.

После продемонстрированной ему сказки русской недвижимости, Аристархович обозлился. И обозлился на всех. Все – это и местные руководители, администрация ОАО, и деятели разных уровней. Особенно на тех, кто не смог как следует организовать консервацию его механического завода. И он, если вдруг встречал кого-то из господ-товарищей на территории завода, вначале долго смотрел им в глаза, а потом говорил всё, что он думает по этому поводу.

– Все вы, – говорил он, – такие же проволочники, как и те, кто такую разруху допустил по всей России-матушке! Такие же! И не смей со мной спорить! У всех у вас руки красные! Посмотри на них. Думаешь, смоешь? Не-ет, эта ржавчина – вот куда тебе въелась. В это самое место... Погодите, ещё ночами вскакивать будите. Я похлопочу... враги народа.

И если даже ему пытались втолковать, что, дескать, нет денег, и не было, чтобы нанять для охраны завода ОМОН, или вневедомственную охрану, он всё равно говорил:

– Вре-ди-те-ли! – чётко и с расстановками. – Вы даже окна первых этажей не зарешётили, не обварили. Что мне теперь, каждое окно задницей загораживать?..

И однажды двух проволочников сняли прямо с окна. Как раз так совпало: он делал обход территории, а с поста милицейского мильтоны шли к нему на завод с проверкой. Они не занимались охраной объектов, они сидели на КПП на дороге и время от времени совершали обходы, для моральной поддержки сторожам, что, в принципе, столь же было необходимо, как всей этой недвижимости сторож Аристархович. Однако, если бы не они, то этих злоумышленников он, конечно же, не поймал бы. Спугнул бы (если бы они ещё испугались?), может быть, поматюгал бы. А чтоб он мог с ними ещё поделаться, без рации и без нагана? Шёл с палочкой, с тросточкой, которая давно уже приросла к руке после перелома ноги, да и по возрастной необходимости. Больно бы таким оружием напугал?

Милиция, оказывается, раньше него воришек засекала. Ждали в кустах, когда те из окна наружу вывалятся. Тут их и повязали с поличным, с мотками проводов. Пользуясь случаем, – били, пинали и фамилии не спрашивали. Даже жалко стало. А когда в его сторожку тех злоумышленников привели избитых и измятых, и вовсе слеза прошибла. Бомжи в чистом виде. Тот, что постарше, как помнится, у них когда-то работал слесарем по сантехническому оборудованию. Теперь безработный, разведённый, из дому изгнанный. Не бреется, бороду отпустил, говорит, так удобно. Когда по морде бьют, не так больно. И молодой, племяш его. Инвалид третьей группы, по психоневрологии как будто. Мильтонам даже неловко сделалось – больного отоварили. Ну, в таких случаях на лбу пиши, что ты псих или хронический дистрофик от постоянного недоедания.

И вот это-то как раз Аристарховича и доконало совсем. С одной стороны, был зол на всех, кто причастен явно или косвенно к разграблению завода, а с другой – увидев этих уродов, пожалел их и уже без злости. Ах, ты ж, Боже мой! Не знаешь, что лучше: то ли завод спасать

от полнейшего его разграбления, то ли, наоборот, отдать его этим бомжам? Хоть пожрут один раз вволю.

Да и с милицией что-то не совсем ладное происходит. Два часа из отделения не могли за задержанными приехать. То ли бензина нет, то ли совести. Потом все-таки приехали. А через полчаса выпустили. На кой хрен им лишние рты? Кормить нечем. И этих же самых, только уже в другую смену, опять на заводе поймали. И опять били. Видимо, пока завод в полные развалины не превратится, до тех пор для них и им подобным он будет тем магнитом, который манит и притягивает к себе, как волков к отаре.

И всё. Понял Аристархович, что ни с какой стороны никому ничего не надо. Ни хозяевам, – хотя какие это хозяева? – дебилы! – как любит генеральный (кстати, молодой) директор всех называть, кроме, конечно, себя любимого; ни правоохранительным органам; ни вообще, государству в целом. Ни-ко-му! И от навалившейся тоски, обиды и злости, от безвыходности, Аристархович совсем скатился со ступеней. Да ладно бы только это, он ведь ещё и лается. Рычит, как старый пёс на родном пепелище.

Последнюю смену проверяющий (которые отродясь по ночам на заводе не заглядывали!) написал на него рапорт. И хоть зарплата на столь ответственной работе маленькая, а порядок всё равно быть должён!

– Ты ж не где-нибудь, – усовещал его проверяющий. – Ты ж на производстве.

– Я? Ха! – рассмеялся Аристархович. – Ты это называешь производством? Да ты различие-то хоть какое-нибудь имеешь между производством и недвижимостью? Между тем, что было, и что вы натворили? – жучок ты красномедный! Разуь глаза, очки протри! У меня уже нет сил смотреть на такое производство. Нет, ты меня слышишь, о чём я говорю?.. Я на это производство уже смотреть не могу трезвыми глазами.

Проверяющий уже был не рад своей миссии. Смотрел на сторожа, подслеповато моргая и протирая очки.

– Плесни, – поставил он кружку перед проверяющим, – иначе помру! Будешь за свой счёт хоронить.

Проверяющий растерянный, с оглядкой, ушёл с завода.

И, действительно, стали побаиваться. Вдруг и вправду человек умрёт однажды на заводе. За чей счёт хоронить?

Уволили.

1995г.

Месть Ретрограда

Василий Иванович Градов, или по чьёму-то едкому языку, Ретроград, пришёл на дежурство. На охрану особо важного, стратегического объекта местного значения, усиленного браво охраной: Лёхой, Гохой, Сахой и им, Ретроградом, – завода «Извести», новенького, ещё даже не успевшего пройти пусковой режим.

Не заходя в дежурку, Василий Иванович сделал обход объекта. Обошёл вокруг компрессорной, нагнетательной – двери и окна на них были вроде бы целы. Никто их за ночь не побил, не вскрыл. Направился к административно-бытовому корпусу – АБКа, состоящего из трёх этажей.

Фонарь и прожектор на АБКа не горели.

«Опять выключил!» – с раздражением подумал он о сменщике, понимая тайный смысл этой светомаскировки.

Рассвет едва занимался, но от снега и от яркой люминесцентной лампы на вышке над центральным складом, доходившего и сюда на территорию завода, во дворе было более-менее видно.

Градов посмотрел вдоль двух зданий, образующий коридор между основным корпусом цеха и АБКа. Там, за воздушным переходом, соединяющим эти здания, на пустыре, на котором снег почему-то не слёживался, его выметало, курился чёрный бугорок.

Он подошёл к нему, в нос ударил запах горелой резины, плёнки, мазута, словом – химией. Ладный запахок. Василий Иванович сплюнул.

– Вот, дают, черти!

Василий Иванович поднял из-под ног металлический прут, согнутый крючком и пошуровал им кострище, из него воспалённо замелькали угольки. Но в пепле ничего не было.

– Управились. Жгут ночью, без света, чтобы не видно было дыма. Одну ночь ковыряют, другую обжигают, на третий день сдают и поддают. Всё по графику, технология...

Градов бросил клюку и пошёл к АБКа. Пока шёл к двери, дважды чертыхнулся и сплюнул слашавый привкус, словно прилипший к небу у кучи. Выругался:

– Шпана красномедная!..

Окна во всех трёх этажах были тёмные, от них отражались блики прожектора от склада. И лишь в одном окне на первом этаже горел свет – в дежурке. Само окно было закрыто серой, толстой бумагой, с вырезанным в ней квадратиком, окошечком – для неусыпного бдения охранному подразделению. Сквозь него два пристальных ока осматривают подведомственную территорию и днём и ночью, если, конечно, не завешены сонливой поволокой.

И в самом корпусе, в коридоре первого этажа, запах был не лучше, чем у кострища, только здесь желательно было под него чем-нибудь закусить. Или хотя бы занюхать. Войдя с улицы в коридор АБК, в нос Василию Ивановичу ударил крутой, перенасыщенный водочно-табачный чад. Вернее, сивушно-табачный. Градов брезгливо дёрнул носом.

Обычно вторую ночь Лёха, Гоха, Саха – проволочники, – как ехидно прозвал их Василий Иванович, как вредоносных жучков, – гудели. Устраивали попойку, как бы в ознаменовании трудов праведных. Проходило она до отвратительного изыщно, до мочевого слабости.

Градов потянул за ручку дверь комнаты сторожа, и та отворилась со скрябом нижнего края о пол. Такой звук должен бы подкинуть охрану с нагретого места, как пружиной. Однако в помещении никто не шелохнулся. Храпели, не вздрогнув.

Леха, сторож, которого Градов должен был сменить, как и положено ночному директору, как хозяину, лежал на широкой лавке навзничь, на своей куртке, заложив чёрные от мазута и гари ладони под голову. Тёмно-русые волосы его были под цвет ветоши, которой обтирали паровоз.

Саха лежал тоже на лавке, но у другой стены, за белыми шкафами, предназначенные некогда для лаборатории. Саху не было видно, из-за шкафов торчали лишь его ноги, обутые в тёплые полусапожки. Они были испачканы технической грязью, подошвы оплавлены, видимо, впотьмах или второпях наступал на угли или на раскалённую проволоку. А может, будучи уже под шафэ, пёрся, не видя куда, изувечил подмётки.

«Новые купит. Жене ж купил пальтецо, кожаное... Лёха видиком обзавёлся, цветным телевизором. Гоха ещё не успел, поздно в беспозвоночные переладился», – горько иронизировал Градов, оглядывая проволочников.

Но Гоха (он же Григорий) был оригинальнее, что называется – в грязь лицом и по самые уши. Он не стал подражать друзьям, не стал искать для своего тела элементарные условия, или не смог уже, а опустился вниз, съехав со стула на пол, и свернулся калачом. Свитер, который непонятно отчего был сер, задрался на спине. Гоха лежал на линолеуме, вернее, на его щели, на склейке, разошедшейся сантиметров на пять. Лежал на бетоне, пренебрегая здоровьем. Пьют без меры, потом валяются без памяти...

– Пьянь... Отрыгнётся тебе ещё проволочка, – проворчал Василий Иванович.

Он взял Гоху за поясной ремень и, как куль с овсом, стащил с цемента. Потом сдёрнул с гвоздя рабочую ватную куртку, висевшую в шкафу – одна на всех сторожей – и набросил её на живой труп.

На столе стояла трёхлитровая банка. Пустая. Она была не закрыта, и источала сивушный запах самогона. Тут же стояли стаканы, заляпанные масляными пальцами. Лежали куски хлеба, в одном из них торчал окурок. На полу валялась банка из-под кильки. Похоже, Гоха за ней погнался, но не догнал, сломался.

На столе шипел старенький радиоприёмник, ламповый, с тремя клавишами, и, силясь, как сквозь простуду, из него пытался голос что-то произнести. Василий Иванович покрутил ручку настройки и услышал сигналы точного времени. Диктор сказала:

– Московское время восемь часов. В эфире – «Маяк»...

Но люди, умаянные за ночь вдохновенным трудом, это сообщение пропустили мимо ушей. Ночная вахта продолжалась.

Василий Иванович выключил приёмник и, взяв с широкого подоконника потрёпанный журнал сторожей, раскрыл его.

«Смену принял. Смену...» То, что Леха (он же Алексей) смену принял, было понятно: чёткая запись, знакомая роспись. А там, где он её сдавал, можно было только догадываться о его служебном намерении. Почти на трёх линиях амбарного журнала выводил он старательно буквы, пытаясь сообщить, что смена прошла без происшествий. Объект сдан. Даже не забыл поставить точку... в сантиметрах двух от конца предложения. Роспись же была спиралевидная с длинным хвостиком, не уместившимся в графе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.